

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ, АПРЕЛЬ 1945 ГОДА

Старший оперуполномоченный ОК УКР «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта майор Бородин, что называется, встал не с той ноги. Настроение с утра было ни к черту. Хотя встал — громко сказано, поскольку ему удалось подремать на заднем диване «эмки», завернувшись с головой в шинель, всего лишь пару часов. Вчера ночью, едва они, смертельно уставшие после ликвидации остаточной группы немцев, завезли в госпиталь раненного в плечо лейтенанта Ерохина и, наконец, добрались до продпункта, прибежал захывшийся посыльный и сообщил, что их срочно вызывают в штаб авиадивизии. Как оказалось, приехал генерал Дубровский, со всеми, как говорится, отсюда вытекающими... Пришлось забыть про наваристый борщ и дразнящий аромат гречневой каши с тушенкой и отправляться в штаб. Когда среди ночи прибывает высокое начальство — хорошего не жди. Это аксиома. Машину за ними, естественно, прислать забыли, а сержанта Третьяка — водителя их оперативно-розыскной

группы — вместе с машиной Бородин оставил на всякий случай в госпитале с раненым Ерохиным, и пришлось еще добрых три километра тащиться пешком через полгорода. Когда они втроем наконец ввалились в штаб, все были уже в сборе. Генерал Дубровский, длинный как жердь и, как всегда, злой и угрюмый и от того чрезвычайно похожий на большого шершня, напряженно стоял у окна, нервно покуривая. Едва офицеры вошли, он медленно повернулся к вошедшим и процедил сквозь зубы:

— Наконец-то, явились. — Сказано это было таким тоном, точно Бородин со своими подчиненными прибыл не с боевой операции, а с гулянки.

— Разрешите? — глухо проговорил майор, испытывая непреодолимое желание заехать этому умнику в ухо.

— Вошли уже, — желчно проговорил Дубровский, — садитесь.

Оперативники молча расселись за приставным столом, угрюмо глядя, как генерал расслабленной, будто управляемой невидимым кукловодом походкой марионетки подошел к большой расстеленной на столе карте и, поправив на крючковатом носу круглые очки, скрипучим голосом проинформировал:

— По данным КРО¹ «Смерш» армии, в тыл нашего фронта готовится к заброске шпионско-диверсионная группа в количестве семидесяти человек. Эта группа в свою очередь разбита на отдельные подгруппы, каждая в составе трех — десяти человек, действующих под видом военнослужащих Красной армии, вооружение — советского образца. В составе каждой группы предусмотрен опытный радист с коротковолновой радиостанцией, смонтированной в гражданском чемодане, противогазной либо санитарной сумке. Все агенты снабжены хорошо изготовленными документами. По имеющимся у нас данным, агенты прошли обучение в местечке Дальвитц в двадцати пяти километрах от города Инстербурга в разведывательно-диверсионной школе, более известной как «Белорусский десантный батальон «Дальвитц». Кодовое наименование разведывательного органа — «Мельдекопф»² «Вальдбуш». Школа подчиняется уже известной вам абверкоманде-203. Вы с нею уже, если не ошибаюсь, имели дело. — Сделав паузу, генерал внимательно оглядел присутствую-

¹ КРО — контрразведывательное отделение.

² Мельдекопф — (Meldekopf — нем.) оперативный пункт, являлся во время ВОВ полуотделением (Halbtrupp — нем.) контрразведывательного фронтового отделения Управления «Абвер».

ющих. — А между тем, как вы знаете, со вчерашнего дня 1-й и 2-й Прибалтийские фронты вошли в состав Ленинградского фронта. В связи с этим сейчас ведется широкомасштабная передислокация войск, пополнение передовых частей маршевыми ротами. Все эти обстоятельства создают чрезвычайно благоприятные условия для почти беспрепятственного проникновения в части Красной армии немецких агентов. Не секрет, что командиры частей и соединений часто принимают пополнение без предварительной проверки личного состава органами «Смерша». — Генерал обвел присутствующих строгим взглядом. — Майор Бородин, ваша группа работает в тылах 2-го Прибалтийского фронта уже месяц, и вы хорошо знакомы с оперативной обстановкой на местах, что думаете предпринять?

Майор встал и подошел к столу. В этот момент дверь распахнулась и вошел дежурный.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу полковнику? — Генерал небрежно кивнул, и дежурный повернулся к полковнику:

— Товарищ полковник, звонили из Управления сельсовета Кальвене. Полчаса назад местные мальчишки видели над лесом три парашютных купола. Ориентировочно в районе хутора Анмас.

— Спасибо, вы свободны, — кивнул полковник.

— Дождались первой ласточки, — желчно прокомментировал сообщение дежурного генерал.

— Разрешите? — напомнил о себе Бородин. — Вот хутор Анмас, — майор остановил указку в нужном месте. — Это от станции Кальвене порядка двадцати километров. От нас порядка ста километров — полтора-два часа на нашей «эмке»¹. Маршрутов движения у диверсантов не так много. Местность там лесистая, много непроходимых болот. Так что в любом случае им понадобится проводник. Если, конечно, в составе их группы нет местного, хорошо знающего эти места. В сторону линии фронта, до которого около десяти километров, они не пойдут.

— А если пойдут? — спросил генерал.

— На этот случай, — ответил за майора его непосредственный начальник полковник Воробьев, — мы сориентируем представителей контрразведки 67-й, 42-й, 10-й гвардейской и 4-й ударных армий.

— Сориентируем, — так же желчно пробурчал генерал. — Пока вы будете ориентировать, они

¹ «Эмка» — автомашина «ГАЗ-М1».

выйдут из леса и окажутся в нашем глубоком тылу! Ищи потом ветра в поле.

— Верно, — согласился Бородин. — А потому брать их будем на выходе из леса.

— И где, по вашему мнению, они выйдут?

— Ну поскольку, — не обращая внимания на сарказм генерала, продолжил Бородин, — в прифронтовой полосе немецкая агентура обычно действует под видом саперов, производящих разминирование либо минирование, связистов, тянущих либо ремонтирующих линию связи, снайперов или разведчиков, выполняющих особое задание командования, установить их будет несложно. В условиях передислокации войск это для них идеальное прикрытие. Возможно, они разделятся. Но я все-таки думаю, что основное ядро группы будет пробираться к станции, потому что их основное задание — сбор сведений о передислокации наших войск в преддверии наступления, а это логичнее делать на станции, ведя наблюдение в местах скопления наших военнослужащих. Опять-таки там находится общевойсковой продпункт, через который ежедневно проходит огромное количество людей. Имея командировочные удостоверения либо справки из госпиталя, там проще всего затеряться, тем более что со временем эти документы будут неизбежно

подкреплены настоящими отметками наших этапно-заградительных комендатур и вообще перестанут вызывать сомнения. Пройти там можно только одним путем. Вот этой тропой, — майор сдвинул указку чуть в сторону. — Она выведет их прямо к развалинам кирхи. Там очень удобное место для засады. Около нее мы немецких агентов и встретим.

— А вы думаете, немцы дураки и не понимают этого? — усмехнулся полковник.

— Ну, во-первых, — медленно проговорил майор, — за всю войну я пока не встречал в составе немецких диверсионно-разведывательных групп немцев, разве только обрусевших. Во все эти абверкоманды немцы набирают, как правило, пленных, дезертиров, перебежчиков и прочий сброд. И во-вторых, сейчас не сорок первый, так что особой прыти у диверсантов последнее время я тоже не наблюдаю. Болота уже местами оттаяли, и верхняя корка рыхлая, я не думаю, что они пойдут через них. Стоит один раз провалиться, хотя бы по пояс — и конец, согреться им будет негде. Считаю, что пойдут они именно к кирхе.

— Я согласен с майором, — высказал свое мнение Воробьев. — К тому же к этому делу будем подключать еще не менее двух оператив-

но-розыскных групп, которые перекроют другие, менее перспективные направления. Группе Бородина предлагаю выдвинуться в Кальвене немедленно.

— Действуйте! — согласился Дубровский.

— Разрешите выполнять? — майор повернулся к Воробьеву. — Я так понимаю, товарищ полковник, вводим в действие вариант «Полковник на «эмке»?»

ЗАПИСКА ПО ВЧ

«Начальнику ОКР «Смерш» Ленинградского фронта

В настоящее время к вам этапируется арестованный Зинчук Бронислав, проходивший обучение в Дальвитцкой диверсионной школе, в так называемом «Белорусском десантном батальоне «Дальвитц» в январе — марте с. года. Считаю целесообразным использовать Зинчука Бронислава в качестве опознавателя немецких агентов, проходивших обучение в Дальвитцкой диверсионной школе.

Новиков».

Сейчас, подходя к полуразрушенной кирхе, из которой этой ночью ожесточенно отстреливались немцы, Бородин достал и поставил на

боевой взвод оба своих «ТТ»¹. Верх башни, где вчера засел немецкий снайпер, ранивший Ерохина, сейчас скрывался в тумане. Майор осторожно зашел внутрь. Россыпи стреляных гильз и битый кирпич громко хрустели под ногами. Трупы уже увезли, но Бородин все равно чувствовал этот характерный сладковатый запах смерти, смешанный с кисловатым привкусом сгоревшего пороха. Убедившись, что внутри никого нет, майор вышел и с удовольствием вдохнул утренний морозный воздух. Дорога, больше смахивающая на тропу, огибала развалины справа и, змеясь по оврагу, исчезала в утреннем тумане. А в трех километрах дальше темнел лес. Именно над ним три часа назад вездесущие местные мальчишки видели купола опускающихся парашютов. Как они их разглядели в таком тумане, оставалось только гадать. Майор вернулся к машине, скинул выдавшую виды телогрейку и, быстро стянув через голову гимнастерку, облачился в полковничий китель. Китель этот был пожертвован полковником Воробьевым как раз для такого рода маскарадов. «Эмка», выкрашенная в черный цвет, уже стояла на обочине дороги, возле машины суетился сержант Третьяк, старательно прилаживая домкрат с явным намерением снять

¹ «ТТ» — пистолет «Тульский, Токарев».

переднее колесо. Старший лейтенант Вишня, рыжий детина в выгоревшей добела гимнастерке и накинутаой на плечи заштопанной в нескольких местах телогрейке, уже запалил трофейный примус и ворожил над котелком, от которого шел головокружительный аромат тушенки.

Приданный группе для сопровождения опознавателя немецкой агентуры Зинчука капитан из комендатуры Рогов сидел со своим подопечным в машине. Майор по дороге уже успел его проинструктировать и теперь с беспокойством нет-нет да и посматривал в его сторону. По плану операции, он с опознавателем должен был находиться в развалинах кирпичи, и в случае успешного опознания немецких агентов капитан должен был подать условный сигнал криком испуганной птицы. К сожалению, этот сигнал у капитана никак не получался. Вишня даже весь вспотел, объясняя, что да как. В итоге сошлись во мнении, что как получится, так и получится.

Сам же Бородин, облаченный теперь в чистенькую, с иголочки, отглаженную форму полковника НКВД, с двумя орденами Боевого Красного Знамени на груди, осторожно, чтобы не дай бог не помять форму, присел на передний диван «эмки» и подозвал лейтенанта Барабоху.

— Стрелять только по конечностям. Уяснил? — тихо сказал майор и внимательно посмотрел на лейтенанта.

Этот молодой белолицый лейтенант с ямочками на вечно розовых щеках и застенчивым взглядом голубых глаз был прикомандирован к их группе всего месяц назад, и поначалу старший лейтенант Вишня принял новоиспеченного розыскника в штыки:

«Совсем обалдели! Здесь, на минуточку, «Смерш», а не детский сад! Скоро детей присылать начнут! Я им не нянька! Возись тут с малышкой, ему голову отстреляют, а отвечать кому? Мне. Нет уж, увольте!»

Но вскоре выяснилось, что вновь прибывший молодой лейтенант и сам стреляет как бог. И если что — в обиду себя не даст. Это пришлось признать в конце концов даже Вишне.

— Завтрак готов! — крикнул Вишня, зачерпнул ложкой ароматную кашу и, подув, попробовал. — Нет, а все-таки, что ни говори, а лучше гречки с тушенкой человечество еще ничего не придумало. Налетай!

— Значит, так, — сказал Бородин, устраиваясь на плащ-палатке, расстеленной на земле, — расстановка сил будет как обычно. Я с Третьяком около машины, Барабоха со снайперской вин-

товкой прикрывает нас с колокольни. Думаю, через полчаса туман рассеется. Залезешь наверх, осмотришься.

Лейтенант кивнул с набитым ртом.

— Вишня, — продолжал Бородин, — ты подстраховываешь с тыла. Спустишься в овраг и выберешь себе хорошую позицию. Здесь вокруг поле, и если что-то пойдет не так, отступать они будут назад к лесу, потому нужно отрезать их от оврага. Как пройдут мимо тебя, дашь знать. Сигнал — крик филина. И помните, они нам нужны только живыми. Особенно радист.

— А как определить, кто из них радист? — спросил лейтенант с полным ртом, накладывая себе добавки.

— Правильно, заправляйся с утра под завязку. Неизвестно, когда потом пожрать удастся, — одобрительно хохотнул Вишня. — А насчет радиста, ты меня удивляешь, Барабоха, пора уже уяснить, что радист, как правило, самый молодой или вообще девка.

— Так, все, закончили. Сигнал к началу силового захвата — моя фраза: «Третьяк, долго еще?» Всем все понятно? — Бородин посмотрел на часы. — Тогда по местам. В засаде не курить, они могут появиться в любой момент...

Вишня, последнее особенно тебя касается. Ты меня понял?

— Понял, — фыркнул Вишня. — А я, товарищ майор, уже говорил, что полковничья форма вам очень к лицу?

ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

«Начальнику Главного управления войск по охране тыла 6-й гвардейской армии.

Копия: Начальнику Управления контрразведки «Смерш» 6-й гвардейской армии.

С октября 1944 года соединения 6-й гвардейской армии в составе 1-го Прибалтийского фронта совместно с другими войсками Красной армии вели упорные бои с прижатой к морю и отрезанной на Курляндском полуострове группировкой противника. Войска армии занимали участок фронта к востоку от Либавы между р. Страж и районами Приекуле и Вайньодэ, общим протяжением до 60 км. Наступательные операции, предпринимавшиеся нашими войсками в течение осени и зимы 1945 года, имели следующие цели: активными действиями сковать значительные силы врага, отрезав им пути отхода в Восточную Пруссию; окружить и уничтожить Приекульскую группировку противника, оказывавшую упорное сопротивление на Либавском направлении; перерезать рокад-

ные пути и коммуникации войск, связывавшие гитлеровцев, оборонявшихся на Курляндском полуострове, с портом Либава; выходом к побережью Балтийского моря в районе Павло-сты разобить 16-ю и 18-ю армии противника и подготовить условия для последующего их уничтожения. Упорные и ожесточенные бои осложнялись трудными условиями сильно пересеченной лесисто-болотистой местности, наличием хорошо подготовленных в инженерном отношении опорных пунктов и узлов обороны противника, большого количества различного рода заграждений, а также неблагоприятной погодой — туман, дожди, оттепели затрудняли продвижение не только танков и артиллерии, но даже и пехоты».

*Москва, Центральный аэродром им. Фрунзе,
июнь 1940 года*

— Надо же, как Верочка твоя вымахала! — Степан Павлович подхватил Веру и, после нескольких безуспешных попыток подкинуть вверх, смущенно и бережно поставил на землю.

— Я тебя еще пигалицей длинноногой помню, а теперь прямо невеста выросла, а уж красавица какая... — ласково погладил он девушку по щеке и повернулся к ее отцу.

— Да уж, мы же с тобой последний раз виделись еще перед Испанией, дай бог памяти, в декабре тридцать шестого, — сказал отец девушки. — Верка тогда только в пятый класс ранец таскала.

— Подожди, получается, она в этом году девятый класс окончила?

— На одни пятерки, между прочим. А как узнала, что к тебе в Москву собираюсь, даже в Крым с мамкой не поехала. Все ходила и ка-нючила, возьми меня к дяде Степе.

— Так уж и к дяде Степе? — подозрительно покосился на Веру Степан Павлович.

— Ну конечно, ты же у нас герой, летчик-испытатель. Верунчик просто бредит небом, уже три года занимается в аэроклубе Осовиахима¹, так что со старым добрым У-2² не хуже, чем с велосипедом управляется. Собирается поступать в Борисовскую военную школу пилотов. И даже предварительную медкомиссию прошла. Только вот с физикой все никак не подружится.

¹ Осовиахим — Общество содействия обороне авиации и химическому строительству, массовая добровольная общественная военно-патриотическая организация, существовавшая в СССР в 1927–1948 гг.

² У-2 — советский многоцелевой биплан, созданный в 1927 году под руководством конструктора Н. Н. Поликарпова (с 1944 года По-2, Поликарпов-2). Один из самых массовых самолетов в мире.

— Молодец! Так держать! Значит, в папку пошла. Был бы у меня отец командир авиаполка, я бы тоже с пеленок летать начал. А физика — не беда, за год подтянет. Да, Верунчик? А ну-ка, красавица, скажи, какой у И-16 размах крыла?

— Девять метров, — без запинки выпалила Вера, отчаянно покраснев.

— А максимальная скорость?

— Пятьсот двадцать пять километров в час, да я на И-16...

— Понял, я понял, — сдаваясь, поднял руки Степан Павлович, — взлет-посадку освоила. Упросила все же папку. Только ты об этом больше никому не говори, а то не сносить твоему прекрасному отцу головы, — прижал он к губам девушки шершавый указательный палец. — Мне можно, а всем остальным ни-ни. Даже мамке. Поняла?

— Она у меня понятливая, — ответил вместо дочери отец и указал на взлетное поле. — Как «Мессершмитты¹» облетали?

— Ты же помнишь, я на них еще в тридцать восьмом летал в НИИ ВВС. Так что в целом

¹ «Мессершмитт» — «Мессершмитт Bf 109» — одномоторный поршневым истребитель-низкоплан, состоявший на вооружении Люфтваффе (ВВС Германии).

аппарат знакомый. В конце мая закупили еще пять штук, вот пока две машины собрали и погоняли на совесть.

— Ну и как?

— Пока сложно сказать. Провели только один полет на воздушный бой с И-16¹. Стефановский на «Мессершмитте», ну а ваш покорный слуга на нашем «ишачке». Пока более-менее стали ясны наиболее уязвимые места этого немецкого самолета и некоторые аспекты рекомендуемой тактики воздушного боя с ним. Если в двух словах, то удобнее всего атаковать этого немца сзади, причем под небольшим углом снизу, в бою же на вираже я рекомендовал бы сразу переходить на «вертикальную карусель». Из боя советую выходить «горкой» вверх. А вообще-то, техника пилотирования этого немецкого истребителя очень проста. Думаю, даже твоя Верунчик справилась бы. Это если коротко. В ближайшем будущем нами будут разработаны более подробные и конкретные методические указания для наших авиаторов. А пока погоняем их еще, выжмем все соки...

¹ И-16 — Поликарпов И-16, советский одномоторный одноместный истребитель. Первый в мире низкокрылый консольный истребитель-моноплан с убирающимся шасси, был основным истребителем советских ВВС в начале Второй мировой войны.

— И на этом спасибо.

— Дядя Степа, а посидеть в кабине можно? — встряла в разговор Вера.

— Пойдем. Но учти, разбойница, разрешаю только посидеть, а руками ничего не трогать. Смотри и запоминай. Может, пригодится... Не дай бог, конечно... Договорились?

— Договорились! — воскликнула девушка, встала на цыпочки и, чмокнув Степана Павловича в колючую щеку, припустила со всех ног к блестящему на солнце самолету...

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

Вишня подал сигнал примерно через час. Майор кивнул водителю, прикурил папиросу и, поминутно поглядывая на часы, принялся нервно прохаживаться возле машины, поторапливая Третьяка. Тот, оправдываясь, что-то мямлил в ответ.

Их было четверо. Они появились из оврага, как зафиксировал майор, ровно в 7.30. Впереди шел капитан Красной армии с петлицами связиста. Это был высокий коренастый мужчина лет сорока с неприятным широким лицом и маленькими глубоко посаженными глазами. Шел он расслабленно, и в его поведении не было и тени тревоги. Правда, увидев машину, он несколько сбился с шага и сразу взял чуть правее, по направлению к «эмке». За ним из тумана по-

явилась довольно симпатичная девушка в форме санинструктора, маленького роста, со светлыми, собранными на затылке в пучок волосами. На правом плече она несла большую и, как отметил майор, довольно тяжелую на вид медицинскую сумку с красным крестом на наружном клапане. За ней шли два лейтенанта, тоже, судя по обмундированию, — связисты. Обоим на вид тридцать пять—сорок лет, среднего роста, кряжистые, с цепкими взглядами битых жизнью бродяг. Все с туго набитыми воинскими вещевыми мешками. Группа приблизилась к машине:

— Здравия желаю, товарищ полковник, — вскинул к фуражке руку капитан, бросив мимолетный взгляд на заднее сиденье машины, где лежали опечатанные большой сургучной печатью штаба фронта пухлые серые пакеты. — Что у вас стряслось? Может, помощь какая нужна? — Голос у него оказался неожиданно мягкий, с легким прибалтийским, как отметил Бородин, акцентом.

— Да вот, застряли некстати, — не отвечая на приветствие, проворчал Бородин, посмотрел на часы и тут же с облегчением услышал, как из кирхи раздался приглушенный крик испуганной птицы. — Меня ждут в штабе фронта, а тут это колесо, будь оно неладно.

— А то давайте, товарищ полковник, мои ребята мигом починят машину, — расслабившись, улыбнулся капитан.

— Уж будьте так любезны, — проворчал Бородин, спокойно глядя на лейтенантов, которые вразвалочку направились к машине. — Третьяк, долго еще? — фиксируя взглядом положение капитана и девушки, стоящей в нескольких метрах за его спиной, громко спросил Бородин.

ЗАПИСКА ПО ВЧ

«По данным контрразведки фронта, абверкоманда-204 из латышей — участников националистических организаций «Перконкруст» и «Айзсарги» и созданной немцами организации «Зельбштию» в настоящее время активно вербует агентуру. По нашим сведениям, руководители этих организаций Рикарде, Турке и Акментиньш — являются резидентами абверкоманды-204.

В феврале 1945 года органами «Смерша» 2-го Прибалтийского фронта частично был ликвидирован так называемый Польский легион, который ранее входил в подчинение абверкоманды-204 и в январе с.г. был передан в состав абвергруппы-209 с дислокацией в местечке Фронца, близ города Быдгощ.

В феврале 1945 года при передислокации команды в городе Штольп «Легион» со всем официальным составом получил задание остаться

в Тухольских лесах и после того, как части Красной армии пройдут на запад, развернуть подрывную работу на коммуникациях фронта. По данным Смерша, «Легион» был разделен на две группы, первую — в количестве 42 чел. возглавил некто Махниковский, по кличке Махник, вторую — в 21 чел. — лейтенант Эрлинг. Обе группы были экипированы в форму немецкой армии, вооружены и снабжены большим количеством взрывчатых веществ. Диверсанты имели две коротковолновые радиостанции и двух радистов.

Новиков».

Москва, Центральный телеграф, 21.00. 21 июня
1941 года

— Кобрин! Пятая кабина! — Вера подскочила с деревянной скамейки и опрометью бросилась к двери с номером пять. Схватила тяжелую черную трубку и, крепко прижав к уху, закричала:

— Папка, привет, ты слышишь меня?

— Слышу. Не кричи так. Оглушила совсем. Как прошел парад? Нормально отлетали?

— Отлично, папочка! А вы как?

— Все хорошо, тебя ждем. Ты взяла билет?

— Да. Выезжаю послезавтра в четырнадцать ноль-ноль с Белорусского.

— Как там бабушка? Уже поди на дачу переехала?

— Да. Наша бабуля держится молодцом, грядками занимается. Так что все хорошо, папочка, не волнуйтесь. Сегодня скормила мне полкастрюли вкуснейшего борща и целую сковороду пирожков с картошкой. Передает вам всем привет. Как мама?

— Ждет тебя. Я пришлю за тобой на вокзал машину. Целую.

— Не волнуйтесь за меня, послезавтра к вечеру буду дома. Целую.

Девушка повесила трубку на рычаг, вышла из кабинки и, открыв тяжелую дверь телеграфа, оказалась на улице. Теплый вечерний ветерок ласково трепал ее волосы. Она с удовольствием прогулялась по улице Горького до Бронной и, постояв несколько минут у подъезда, поднялась на третий этаж.

Москва, 10.30. 22 июня 1941 года

— Завидую я тебе, Верка. Поступишь в этом году и станешь летчицей, — Саша Бородин мягко взял Веру под руку и подвел к скамейке. — Посидим?

— Ну, до летчицы еще далеко. Для начала нужно еще вступительные испытания выдержать. За физподготовку я, конечно, не боюсь, — задумчиво проговорила девушка, присаживаясь, — а вот за физику... Говорят, на экзаменах в летной школе комиссия очень строгая.

— Ну да, ты у нас натура творческая. Тебе историю там или литературу подавай. Но я думаю, ты справишься. Школу-то с золотой медалью окончила, — ободряюще улыбнулся Сашка, — опять же в аэроклубе на планерах летала, с парашютом прыгала. Кого же им еще брать? Да они тебя, если хочешь знать мое мнение, вообще без экзаменов должны зачислить!

— Ну не знаю... Да мало ли ребят с золотой медалью школу оканчивают? А вот физика у меня определенно хромает, уж я-то себя знаю. А ты уже решил, куда поступать будешь?

— Я — в МАИ¹, — Бородин снял очки и повертел их в руках, — с моим зрением в летное никак. Слушай, Вера, а хочешь я тебя по физике подтяну? До экзаменов еще целых две недели, — с надеждой в голосе предложил Сашка Бородин.

— Спасибо, Саша, но завтра я уже уезжаю. К родителям в военный городок в Кобрин. Там у них побуду до экзаменов и в Борисов — сдавать. Так что не получится.

— Как уезжаешь? — упавшим голосом пролепетал молодой человек.

— Да не расстраивайся ты так, — девушка ласково погладила его по щеке, — сегодня у нас еще целый день впереди.

¹ МАИ — Московский авиационный институт.

— Тогда, может, в кино? Там сегодня «Профессор Малока» идет.

— Так. — Вера решительно встала со скамейки и огляделась вокруг. Ребята гоняли по пыльной траве мяч, те, что постарше, резались в расшибец¹, на скамейке под старой раскидистой яблоней трое пожилых мужчин играли в шахматы. — Значит, на сегодня у нас с тобой план такой. Сейчас покупаем мороженое, — Вера кивнула на лоток, стоящий в тени огромного каштана, — и прогуляемся до стадиона «Динамо», посмотрим парад и соревнования физкультурников. Ты помнишь, там сегодня Севка из нашего класса выступает? Потом возвращаемся сюда, в 4-й Эльдоратовский, бабушка накормит нас вкуснейшим обедом, погуляем до вечера, а потом — в «Эрмитаж». Сегодня Вадим Козин поет. Я его обожаю. Послушаем, и — в «Экран жизни» на твоего «Профессора Малока», как раз на последний сеанс успеем. Как тебе мой план? Согласен?

— Еще бы! — обрадовался Саша. — А завтра?

— А вот завтра с самого утра я буду собираться в дорогу. У меня поезд в два часа дня с Белорусского. Так что если хочешь проводить меня

¹ Игра с монетами.

на вокзал, подъезжай часикам к одиннадцати к нам на Бронную, — девушка решительно взяла кавалера под руку и замерла.

Черный радиорепродуктор, висевший прямо над ними, вдруг захрипел и заговорил голосом диктора Левитана:

— Внимание! Говорит Москва! Сегодня в двенадцать часов пятнадцать минут по московскому времени будет передано важное правительственное сообщение.

Вера обеспокоенно посмотрела на часы — подарок родителей на окончание школы.

— Половина двенадцатого, ладно, завтра в газетах прочитаем. Побежали скорее, а то на стадион не успеем! Пару остановок на трамвае проедем. Бежим!

К началу спортивного праздника они все-таки опоздали. Когда они выпрыгнули из вагона трамвая и перебежали на другую сторону Ленинградского проспекта, перед входом на стадион уже собралась большая толпа. Каждую минуту подъезжали автобусы и спортсмены с флагами выстраивались в шеренги, но через блестящие турникеты на стадион почему-то никого не пускали. Все пространство вокруг станции метро «Динамо» и перед стадионом было заполнено юношами и девушками в белых майках и синих

спортивных трусах и с флагами спортивного общества «Динамо». Между ними мелькали спартаковцы с бело-красными флагами.

Когда молодые люди подбежали к входу, то услышали, что со всех сторон из радиорепродукторов вместо спортивных маршей звучит тихий голос Молотова. Вера, глядя на притихших людей и растерянные лица спортсменов, поневоле прислушалась и все поняла...

«...Атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убиты и ранены более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий... Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством...»

Вера почувствовала, как в груди начал расти ком, который с каждым словом Молотова поднимался все выше и выше, спазмом сдавливая горло. В носу предательски защипало, и слезы сами, против воли, брызнули из глаз.

«...Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне,

интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда...»

Воображение уже вовсю рисовало, как немецкие самолеты бомбят военный городок, как рвутся бомбы, рушатся аккуратные белые домики командного состава, как отец бежит к своему самолету, а мама... Нет, так нельзя. Нужно взять себя в руки. Чувствуя, что ей не хватает воздуха, Вера с силой сжала руку Саши и потащила прочь, почти бегом, подальше от страшного черного репродуктора, мимо смешавшихся и застывших шеренг спортсменов, женщин, прижимающих к себе плачущих детей, уже ничего не видя вокруг, только слыша слова, которые раздавались вслед, будто толкали в спину, били по ушам, щемящей болью сдавливали сердце:

«...Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Вера, наконец, вырвалась из толпы и перевела дух только у мраморного парапета метро.

Резко остановившись, будто наткнувшись на невидимую стену, развернула Сашу к себе лицом и посмотрела ему прямо в глаза.

— Что теперь с нами будет?.. Ну, что ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь, — чувствуя, что сейчас опять расплечется, Вера в отчаянии замахнулась и ударила Сашу по плечу.

— Ничего, — тихо, дрогнувшим голосом произнес молодой человек, — месяц, от силы полтора, разобьем, раздавим гадину.

— А, ну да, — еле слышно пролепетала Вера и, сев на холодный мраморный парапет и уронив голову на руки, разрыдалась.

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

Бородин, заметив движение капитана, который, стараясь сделать это незаметно, положил руку на клапан кобуры, резко присел и, перенеся на левую ногу вес своего тела, крутанулся на месте, правой подсекая капитана под колени. Тот, не удержав равновесия, стал падать на спину, рванув из кобуры пистолет. Тут же с колокольни один за другим еле слышно щелкнули два винтовочных выстрела. Бородин, услышав, как справа от него истошно завизжала девушка, рванулся вперед, подмял под себя капитана и, одной рукой взяв в железный захват его руку с пистолетом, другой нанес два мощных удара

в голову. Почувствовав, как тело противника под ним обмякло, Бородин уже без усилий выкрутил пистолет из безвольной руки капитана и одним прыжком поднялся на ноги. Третьяк с опущенным «ППШ»¹ уже стоял над лежащими на песке диверсантами.

— Холодные, оба, — доложил он.

— Займись капитаном, — устало приказал Бородин.

Вишня, широко расставив ноги, с двумя пистолетами в опущенных руках уже навис над радисткой. Та, сжавшись в комок и защищаясь, выставила вперед руки и с ужасом смотрела на Вишню, который, наклонившись, одной рукой быстро открыл санитарную сумку. Увидев черную лакированную крышку рации, он поднял глаза и кивнул Бородину.

— Позывной, сука, быстро! — вдруг дико заорал Вишня, щелкнув предохранителем «ГТ», с силой ткнув стволом в живот радистке.

— САО, — еле слышно ответила девушка, дрожа всем телом.

— Не слышу! Громче!

¹ «ППШ» — 7,62-мм пистолет-пулемет образца 1941 года системы Шпагина, советский пистолет-пулемет, разработанный конструктором Г. С. Шпагиным под патрон 7,62×25 мм пистолета «Тульский, Токарев».

— САО, — повторила девушка, глядя на Вишню широко распахнутыми от страха глазами.

— Старший кто? — рывкнул старший лейтенант.

Девушка кивнула на лежащего рядом капитана.

— Его позывной для радиোগрамм? Отвечать быстро!

— Барда.

— Сколько вас, где остальные?

— Шестеро. Мы разделились. Двое пошли к линии фронта.

— Их задание?

— Не знаю. Но через двое суток они должны вернуться.

— Ваше задание?

— Сбор и передача информации о передвижении войск, захват одиночных офицеров Красной армии для допроса с их последующим уничтожением.

— Куда шли? Явка? Куда должны вернуться остальные?

— Сбор в доме путевого обходчика, имени не знаю, это в трех километрах от станции Кальвене, на железнодорожном переезде.

— Вот так-то оно лучше. Лежи смирно, сучка, — удовлетворенно и уже абсолютно спокойным голосом сказал Вишня, расстегивая кобуру радистки и забирая ее наган и кидая его на расстеленную Третьяком плащ-палатку, где уже лежали доку-

менты и оружие остальных диверсантов. Рывком перевернул ее на живот, лицом вниз, и быстро связал руки за спиной. — Отдыхай, паскуда... Неизвестно, теперь когда придется отдохнуть.

ЗАПИСКА ПО ВЧ

«Сегодня, 01/04/45 г., оперативно-розыскной группой ОКР «Смерш» Ленинградского фронта в районе ст. Кальвене была ликвидирована немецкая диверсионно-разведывательная группа в форме военнослужащих Красной армии в составе четырех человек. Захвачены старший группы Алтис Гулбис с позывным «Барда» (не точно, личность установлена опознавателем) и радистка Акулина Голенок, позывной для радиogramм САО, проходившие обучение в Дальвитцкой диверсионной школе. А также коротковолновой радиопередатчик SE108/10. Для сокрытия принадлежности агентов все маркировки на радиостанции выполнены на английском языке. Диапазон используемых частот — 3,5–6,5 МГц. Всего десантировалось в район хутора Анмас шесть человек. Двое ушли к линии фронта.

По показанию задержанной Акулины Голенок, противника интересуют места скопления военной техники, прежде всего танков, нумерация воинских соединений, фамилии и воинские звания командиров частей РККА, состояние ж/д в тылах фронта, кто их обслуживает, какой национальности обслуживающий персонал, что перевозится.

А также из каких источников идет на фронт продовольствие, какие взаимоотношения у военнослужащих РККА и местного населения.

Фролов».

Ленинградский фронт, апрель 1945 года

Сдав задержанных в отдел «Смерша» авиационной дивизии, группа Бородина срочно выехала обратно. Уже через пятнадцать минут группа ехала по шоссе в сторону Елгавы. Бородин клевал носом, вполуха слушая, как на заднем сиденье Вишня назидательным тоном наставлял лейтенанта Барабоху:

— Слушай и запоминай. Все немецкие агенты в зависимости от поставленных перед ними задач делятся на несколько категорий. Прежде всего это разведчики. Они собирают в тылах нашей армии информацию о частях и вооружении, передвижении частей, концентрациях войск, замыслах и передают данные в разведцентры абвера. Потом идут агенты-диверсанты. Их цель — подрыв важных военных и народно-хозяйственных объектов. Не исключено, что тебе придется столкнуться и с агентами-террористами. Как правило, задача этой группы агентов — убийства командиров Красной армии и даже членов нашего правительства. Ну и, наконец, так называемые пропагандисты. Эти, как тараканы в щели, проникают в войска, с тем чтобы

исподволь, аккуратненько так внушать бойцам мысль, что Советский Союз войну уже проиграл, что немцы скоро победят и не стоит кормить вшей в окопах и понапрасну проливать свою кровь, а лучше сдаться в плен к цивилизованным немцам, которые тут же обеспечат теплой одеждой, хорошим питанием, ну и конечно шнапсом и девочками. Ага, как же.

Бородин смотрел на мокрое шоссе, по которому ехала машина, и думал о своем. Отчего-то отчетливо, до мелочей вспомнилось 17 мая 1941 года. В тот день немцы прижали их в районе Маяка за Керчью к берегу пролива. Его задание — обеспечить переправу раненых на кубанский берег, в район косы Чушки — было изначально обречено на провал. Выполнить поставленную задачу было тогда невозможно. Немцы вели непрерывный обстрел берега, на котором в панике метались тысячи людей. В дело шло все, что могло хоть как-то держаться на воде. Из подручных материалов сколачивались плоты, шли в ход надувные автомобильные камеры. Многие бросались в ледяную воду, держась за бревна и деревянные снарядные ящики. Самые отчаянные прыгали в воду и покидали керченский берег вплавь. Но сильное течение тут же подхватывало их и уносило в сторону, где они тонули сотнями и тысячами.

У самого пирса в морской воде плавало большое количество трупов, которые, подчиняясь чьей-то дьявольской воле, почему-то стояли в воде в вертикальном положении. Небольшая волна качала их, и создавалась страшная картина, будто они маршируют. Дикие вопли и крики стояли над проливом. О том, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок в толпе, не могло быть и речи. Многие стрелялись, рвали и бросали в воду партбилеты, срывали с себя петлицы. Весь берег был усыпан человеческими останками — оторванными руками, головами, ногами. Наши войска из последних сил цеплялись за небольшую полоску берега шириной всего в двести метров. Закончив артобстрел, немцы густыми цепями пошли в атаку. Бородин, выпустив по немцам весь барабан, оставил для себя один патрон и хотел было уже пустить себе пулю в висок, как вдруг на небольшой высотке, совсем рядом, неожиданно поднялся во весь свой богатырский рост здоровенный моряк в тельняшке под распахнутым черным бушлатом и флотских брюках клеш. Закусив ленточку бескозырки и высоко подняв над головой автомат, он закричал:

— Братцы! Славяне! Полундра! Вперед! За мной!

И тут музыканты военного оркестра, тоже оказавшиеся на том берегу, вдруг заиграли «Интернационал». И тогда наши бойцы, здоровые и раненые,

в едином порыве бросились вперед и отбросили немцев на несколько километров от берега...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ШИФРОВКА № 1897/45

«Начальнику Главного управления войск по охране тыла 6-й гвардейской армии.

Копия: Начальнику Управления контрразведки «Смерш» 6-й гвардейской армии.

С октября 1944 года при Курляндской группировке немецких войск действует абвергруппа-212.

В настоящее время группа развернула активную разведывательно-диверсионную деятельность против войск Ленинградского фронта.

Агентура вербуются в основном из военнопленных, но преимущественно из латышей, служивших в различных антисоветских формированиях, таких как 19-я латышская добровольческая дивизия СС, из членов военно-фашистской организации «Айзсарги», полицейских и бывших латышских пограничников.

Для подготовки агентов-латышей были созданы курсы из двух отделений. Первым отделением руководит начальник группы лейтенант Хассельман, вторым — его заместитель лейтенант Кох. На курсах одновременно обучаются до 50 диверсантов (не точно) и до 15 радистов.

Личный состав группы активно используется для создания тайных складов оружия на террито-

рии Латвийской и Литовской ССР, предназначенного агентам, которые будут задействованы после прихода советских войск. В частности, такие склады предположительно созданы в мест. Улброк, городах Плунге, Шауляе, Виндаве¹ и Либаве².

Один из филиалов группы в настоящее время дислоцируется в гор. Виндава (Вентспилс).

Казаков».

Елгава, тылы Ленинградского фронта, апрель 1945 года

— Товарищи офицеры, — полковник Воробьев сделал паузу и, внимательно оглядев присутствующих, продолжил: — За умелые действия по поимке вражеской разведывательно-диверсионной группы от лица командования объявляю вам благодарность. Теперь хочу довести до вас информацию о том, что в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования за номером 1/121 от 30.03.45 года все войсковые части и тыловые учреждения нашего Второго Прибалтийского фронта с 1 апреля 1945 года включаются в состав Ленинградского фронта, и, таким образом, Второй Прибалтийский фронт упраздняется.

¹ Виндава — старое название города Вентспилс (Латвия).

² Либава — старое название города Лиепая (Латвия).

При этом наше фронтовое управление Второго Прибалтийского фронта до окончания полной очистки от противника Курляндии остается в составе Ленинградского фронта. В связи с включением войск Второго Прибалтийского фронта в состав Ленинградского фронта теперь организовано два направления: Ленинградское и Курляндское. В условиях переформирования войск работы нам прибавится. Необходимо исключить допуск в штабы корпусов и дивизий не проверенных через органы «Смерша» военнослужащих. Отсутствие такого рода проверок дает возможность проникать в наши штабы и органы управления шпионам, проходимцам и разложившимся преступным элементам. Необходимо тщательно проверять весь личный состав управлений корпуса-дивизий. Принимать все меры к тому, чтобы на работу в штабы и особенно в их оперативные, разведывательные и шифроотделы — отделения, на узлы связи и другие органы управления допускались военнослужащие и вольнонаемные только после предварительной их проверки через органы в установленном для этого порядке и в соответствии с положением о допуске к секретной работе. Это, так сказать, новые вводные, введенные сегодня. Так что будем работать.

Москва, Белорусский вокзал, 23 июня 1941 года

— Девушка, я же вам объясняю — есть указание: гражданских на поезда западного направления не сажать. Все ранее приобретенные билеты аннулированы.

— Ну пожалуйста, — просила Вера, чуть не плача, — поймите, мне очень нужно.

— Сейчас всем нужно. Немедленно освободите окно! А то я милицию позову.

Вера выбралась из толпы, осаждающей билетные кассы, и, выйдя на площадь Тверской Заставы, огляделась в поисках телефонной будки. Достала из сумочки записную книжку и, опустив монету в телефонный аппарат, набрала номер. Трубку сняли сразу.

— Главная авиационная инспекция.

— Девушка, подскажите, как мне связаться с Супруном Степаном Павловичем.

— Одну минутку, соединяю.

— Слушаю, Супрун у аппарата, — услышала Вера знакомый голос.

— Дядя Степа, это я — Вера Белоконь.

— А, Верунчик? Здравствуй. Ты в Москве?

— Да, в Москве. Я хотела...

— Верочка, сейчас не могу говорить. У меня народ. Подъезжай-ка ты ко мне часикам так к двадцати. Наберешь добавочный сто десять,

я выпишу тебе пропуск. Лады? — быстро проговорил Супрун и положил трубку.

Ровно в 20.00 Вера как штык была на месте. Молоденький солдатик с синими петлицами, дежуривший на входе, сказал, что товарища Супруна на месте нет и пропуска на ее имя никто не оставлял. Верочка вышла из здания и, перейдя трамвайные рельсы, присела на скамейку в сквере, откуда был хорошо виден вход в здание. Прождав почти три часа, она, наконец, увидела, как из подъехавшей «эмки» вылез Супрун и, оглядевшись, быстрым шагом направился к дверям. Вера подскочила, бросилась следом и догнала Супруна уже в холле. Поздоровавшись, Супрун подхватил девушку под руку и, кивнув дежурному: «Это со мной», быстро провел ее на третий этаж по широкой мраморной лестнице, покрытой темно-красной потертой дорожкой. Даже в этот поздний час здание авиационной инспекции напоминало встревоженный улей. По лестнице вверх и вниз с озабоченным видом сновали люди. Вера сразу заметила, что все они — и летчики в лихо заломленных пилотках с синими кантами, и адъютанты, бережно придерживающие на боках планшетки, и курсанты с синими петлицами, и порученцы, и даже официантки ведомственной столовой, одетые

в белоснежные, накрахмаленные до хруста халаты, перемещались в этом здании почему-то только бегом. Когда они подошли к кабинету, оказалось, что за высоченными двустворчатыми дверями в приемной уже находились в ожидании Супруна человек двадцать военных в летной форме. Командиры нервно прохаживались по красному ковру приемной, то и дело подходя к огромному зеркалу и каждый раз придирчиво оглядывая свою форму или нервно приглаживая волосы. Те, кто был старше по званию, сидели на жестких стульях в белых парусиновых чехлах и, старательно скрывая волнение, то и дело поправляли ремни новеньких скрипящих портупей.

Супрун кивнул присутствующим и произнес:

— Ожидайте, товарищи. — После чего быстро провел Веру в кабинет и, указав на мягкий стул, закрыл за собой дверь.

— Верочка, у меня очень мало времени. Извини, что заставил тебя ждать. Срочно вызвали в наркомат. Что у тебя?

— Степан Павлович, я хотела узнать, как там папа? Мама?

— Верочка, сейчас ничего толком пока не известно. На западных границах идут тяжелые бои. Так что эскадрилья твоего папки уже воюет. Правда, связь с войсками плохая. С подраз-

делениями, дислоцированными в районе Бреста и Гродно, устойчивой связи нет уже больше суток. Сама понимаешь, какая там сейчас мясорубка. Но, думаю, мама твоя уже на пути в Москву. Есть приказ по наркомату — семьи наших авиаторов эвакуировать в первую очередь. Так что причин для беспокойства пока нет.

— Степан Павлович, пожалуйста, помогите мне попасть на фронт. Я была днем в райкоме комсомола, но мне отказали.

— И правильно сделали, что не взяли! Что ты там себе еще напридумывала? Какой тебе фронт? — не на шутку рассердился Супрун. — Ты где сейчас живешь?

— У бабушки на даче на Аэропорте.

— Вот и поезжай на дачу к бабушке и выбрось все эти глупости из головы. Тебе только семнадцать лет, и, по большому счету, ты еще ребенок. Ты что, не понимаешь, что происходит? Куда ты лезешь? Пойми же, наконец, что твоим родителям сейчас будет намного легче, если они будут знать, что их дочь в безопасности. Подумай если не о себе, то хотя бы о них.

— Но...

— Степан Павлович, к вам товарищ Каганович поднимается, — заглянув в кабинет, сообщил порученец.

— Семен, проводи девушку в кабинет напротив. Да, и позвони в буфет, пускай организуют ей чай с пирожными, — Супрун развернул Веру лицом к двери и легонько подтолкнул.

— Подождешь меня в соседнем кабинете. Как только освобожусь — поговорим. Все, шагай.

Верочка в сопровождении порученца — совсем молоденького и симпатичного лейтенанта в лихо заломленной пилотке с синим кантом — прошла в указанный кабинет и осторожно присела на краешек мягкого, в белоснежном чехле стула, целый ряд которых выстроился вдоль стены напротив длинного стола, покрытого зеленым сукном. Не успела девушка как следует оглядеться, как в дверь постучали. Через мгновение в кабинет вошла крупная женщина в белом халате и, поправив одной рукой белоснежную косынку, второй ловко поставила на стол железный поднос с чаем и тарелку с пирожными.

Девушка сделала глоток душистого чая с лимоном и осторожно взяла с тарелки большую мокрую ром-бабу, покрытую белой глазурью. Есть не хотелось, но Вера все-таки откусила кусочек. Пирожное просто таяло во рту и оказалось таким вкусным, что девушка сама не заметила, как съела все три штуки, лежавшие на тарелке. Запила чаем, поставила на зеленое

сукно стола серебристый подстаканник с большим серебристым гербом СССР на выпуклом боку и огляделась. Прямо перед ней стояло большое черное кресло, над ним висел огромный портрет Сталина в красивой золоченой раме, справа высился стального цвета сейф с большой Т-образной ручкой. На столе, отливая бронзой, стояла массивная чернильница на малахитовом основании, чуть слева под красивой лампой с круглым стеклянным абажуром зеленого цвета — стопка пухлых канцелярских папок на завязках с черными штампами «ВВС РККА»¹. Вера встала и, осторожно ступая, прошла по блестящему, натертому воском паркету, подошла к огромному окну, потрогала тяжелые плотные портьеры, вернулась к столу, уселась в кресло и несколько раз щелкнула выключателем настольной лампы. Тут ее внимание привлекла ровная стопка белых листков бумаги, Вера подвинула бумаги к себе поближе. Это оказались незаполненные бланки мобилизационных предписаний с синими гербовыми печатями на размашистой подписи начальника Главного управления ВВС Красной армии. Не успела Вера взять

¹ ВВС РККА — Военно-воздушные силы Рабоче-крестьянской Красной армии.

несколько бланков из пачки — только посмотреть! — как внезапно открылась дверь и в кабинет стремительно вошел Супрун.

— Сиди, сиди, — махнул рукой Супрун, видя, что девушка от неожиданности вскочила с кресла. — Ну, и на чем мы остановились? Ах, да. Пойми, это уже само по себе большое счастье, что сейчас ты оказалась в Москве, а не там — под Кобрином. Давай решим с тобой так. Пока ничего не известно, ты сидишь в Москве и сама ничего не предпринимаешь. Ничего! Ясно?

— Ясно, — понурившись, проговорила Вера.

— Вот и договорились. Я полагаю, что в течение недели, максимум через десять дней все прояснится. Скорее всего, уже вернется из Кобринна твоя мать, и мы все вместе сядем и подумаем, как нам жить дальше. Хорошо? И не разводи мокроту. Ты же будущий сталинский сокол. Ну, право слово, тебе перед отцом не стыдно? Ну? — Убедившись, что девушка перестала всхлипывать, Супрун мягко взял ее под руку и сказал тоном, не терпящим возражений: — Уже поздно, сейчас я тебя отвезу домой, ты успокоишься и ляжешь спать. А то я тоже сегодня замотался совсем. Ну и денек! Поехали.

«Эмка» вырулила на трамвайные пути. На Садовом кольце уже стояло оцепление и рабочие разгружали из машин обрезки рельсов и двутав-